

На Мурманском рубеже

К 70-летию разгрома
немецко-фашистских войск в Заполярье

У зенитных пушек, в небо глядящих...

*У зенитных пушек, в небо глядящих,
Дежурят девчонки лет двадцати.
Чуть солнце появится - сразу веснушки
На лицах их начинают цвести.
Над ними кружатся «юнкерсы»
И метели холодных снегов,
Но они не страшатся трудностей
И фашистских подлых врагов.*

**(Тамара Бобылева, командир дальномерного отделения
2-й батареи 361-го зенитно-артиллерийского полка,
младший сержант. 1943 год, Мончегорск.)**

С мая 1943 года и до конца войны, когда комбинат «Североникель» уже начал давать металл, на защите его стоял 4-й дивизион 361-го зенитно-артиллерийского полка, сформированного в 1941 году в Горьком, а затем обученного и приведенного к присяге в Магнитогорске. Укомплектован дивизион был в основном девчатами, призванными из Удмуртии. Обучали их в предгорьях Урала, чтобы было легче адаптироваться к службе на Крайнем Севере.

«По уставу Вооруженных сил нужно боевую технику укрыть в орудийных окопах, - вспоминает командир 11-й батареи дивизиона старший лейтенант Леонтий Лубанов. - Бойцы 24-25 годов рождения рыли землю в январе киркой. Земля Урала тверда - сплошной гранит! После каждого удара отлетал кусочек земли с пятикопеечную монету. Но терпели. Понимали - война. Тогда мы, конечно, не знали, что нас ждет Север, но учились, не жалея сил».

В 1942-м полк прибыл на станцию Кола и, не успев развернуться, сразу попал под огонь немецких самолетов. Чтобы стрелять, колеса пушек пришлось держать руками. Но батарея старшего лейтенанта Галкина в этот день сбивла один самолет. Боевое крещение состоялось - и каким же героическим оно было!

Здесь, в Мурманске, в это время решался исход войны. Фашисты рвались к Сталинграду, а через незамерзающий порт Мурманск шла помощь от союзников. По ленд-лизу поступало оружие, транспорт, продовольствие. Близость вражеских аэродромов в Норвегии и Финляндии развязывала фашистам руки: самолеты летали без конца. Мурманск стал просто горой битого кирпича,

заваленного снегом. Жили в землянках, окопы рыли в полный профиль. Но немцы в Заполярье не прошли.

В Мончегорске легче не было. Рассказывает Зоя Белослудцева, прибористка ПУАЗО-3: «Начали рыть места для орудий и приборов, долбили кирками, ломали неподатливую скалистую породу. Пока не было землянок, спать два дня пришлось под елью на снегу, слегка покрыв его соломой. Спали не раздеваясь, одежду промокшую сушили на себе - боялись развести костер, чтобы не выдать противнику свое местонахождение. В землянке потом тоже была вода под нарами. Снаряды таскали на себе - по одному-два ящика, а нести нужно было километр и двести метров».

«Налеты авиации противника в основном осуществлялись в темное время суток, - пишет командир дивизиона капитан Иван Брадулов. - А у нас не было радиолокационных приборов, и поэтому огонь батарея вела не по целям, а в основном заградительный, то есть ставилась огневая завеса на пути полета самолета противника с тем, чтобы не дать ему подойти в зону прицельного бомбометания по охраняемому нами объекту - комбинату «Североникель». И за все время обороны только одному самолету немцев удалось прорваться через зону огня и сбросить бомбы».

Большую помощь дивизиону оказывала администрация комбината: выделяли строительные материалы для бытовых нужд, транспорт, предоставляли хранилища для овощей, поставляли медикаменты. И, конечно, помогли в ремонте орудий и приборов. Когда на 12-й батарее вышел из строя дальномер, офицеры Гетманский и Николаев отправились

делать его в ремонтно-механический цех «Североникеля». Дальномер из РМЦ прослужил до конца войны.

Половину личного состава дивизиона составляли девчата. И хоть и шла война, жизнь-то продолжалась, поэтому одной из забот командиров был досуг девушек-бойцов. И «для проведения культурно-массовых мероприятий» (так это именовалось в донесениях в штаб) была построена специальная, очень просторная землянка. Там проходили танцы. «Что и говорить, - вспоминал Лубанов, - большинство стеснялись приглашать друг друга танцевать. Приходилось чуть ли не командой заставлять становиться в пары. Но потом понемногу освоились, даже бежали на танцы в город, где в Доме культуры играл настоящий оркестр, а не то, что у нас, где крутили пластинки на патефоне».

Девушкам пришлось непросто. Как рассказывал Лубанов, по прибытии в полк их постригли «под мальчика», строго запретили пользоваться косметикой. Но в 43-м уже «потеплело». Член Военного совета Центрального округа ПВО генерал Телегин на одном из совещаний в Мурманске «разъяснил» командирам, чтобы к девушкам относились помягче. «Они будущие матери, - сказал он, - и не надо запрещать им прихорашиваться. Пусть отращивают и красят волосы, ногти, ресницы, брови. Они должны быть красивыми». И все-таки не удержался, напомнил о бдительности: «Следить за ними надо, подумайте сами, вы посылаете юношу и девушку на линию связи, стоит хорошая погода, и неужели вы думаете, что они не целуются...» Генерал сделал выразительную паузу. И действительно - целовались. И любили друг друга. Недаром в послевоенных списках батареи встречается так много одинаковых фамилий: Иван и Зоя Брадуловы, Кузьма и Елизавета Ломачевы, Сергей и Мария Петины, Михаил и Анна Домрачевы стали на войне супругами. И при этом героически воевали: два самолета были сбиты в апреле 43-го.

Но все они, как самый страшный, вспоминают налет фашистской авиации 11 мая. Тогда, в один из так нелюбимых всеми зенитчиками солнечных дней, к их позициям подошли девять бомбардировщиков «Юнкерс-87» и шесть истребителей «Мессершмит-109». Вспоминает Леонтий Лубанов: «Командую: «К ору-

диям!» Каждый свое место знает, все выполняют точно. Смотрю, Петин рукой машет, что-то кричит, хотя кто его услышит, но все делают правильно. Надо себе представить, когда на такой пятючок земли нападают 15 самолетов. «Юнкерсы» пикируют, истребители обстреливают из крупнокалиберных пулеметов и поливают горячей жидкостью!» Но отбили мы их. Почему-то у меня из носа течет кровь - видно, воздушной волной накрыло, у многих горели одежда и обувь. Сержант Домрачев заметил огонь у склада боеприпасов - побежали тушить. Тушили ветками, землей, одеждой - чем попало, ящики со снарядами растащили».

«В том бою, - продолжает рассказ Зоя Белослудцева, - осколком снаряда убило телефонистку Капитолину Ельцову, а другую девушку, Калинину, убило в землянке прямым попаданием. Ее разнесло на кусочки, и мне вместе с другими бойцами пришлось собирать ее тело для захоронения».

В 1944 году воины 4-го дивизиона собрали из личных средств деньги на постройку танковой колонны, за что были удостоены личной благодарности Сталина.

О Победе зенитчики узнали в пять утра 9 мая. В барак, где они тогда уже жили (можно сказать, с комфортом!), вбежал телефонист и закричал: «Победа!». Пели, смеялись, плакали, пили за Победу. И готовились уезжать домой. Девушек демобилизовали первыми, и уже в августе 45-го Удмуртия встречала своих дочерей.

В ноябре 1945 года 4-й дивизион 361-го зенитно-артиллерийского полка, защищавшего небо Мончегорска и труд рабочих «Североникеля», был расформирован.

Командир дивизиона, кавалер ордена Красной Звезды и многих медалей капитан Леонтий Никифорович Лубанов ушел в запас 13 декабря 1945 года и остался здесь, в Мончегорске, работал на «Североникеле» до 1975 года, а потом, уже на пенсии, уехал в Чувашию.

А землянки, в которых жили зенитчики, до сих пор можно увидеть вблизи старого поселка Тростники...

**Подготовлено
по материалам музея
истории города.
Фото Артема Сенченкова.**

Фото зенитчиков на стенде в музее истории города.